

Пленарное заседание КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

17 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

М. ДЕЛЛ'АМБРОДЖИО	министр образования и науки Швейцарии, доктор юридических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова¹

БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО: РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ²

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется завершением перехода от моноцентричной к полицентричной модели мира. Этот переход затрагивает все без исключения сферы деятельности человечества — экономическую, политическую, общественную, культурную и др. На международной арене появляются новые активные игроки, которые еще недавно занимали периферийное поло-

жение в мировом цивилизационном пространстве. Их растущее влияние на международные процессы проявляется не только в социально-экономической и политической, но и в культурной сфере. Китай, Индия, Бразилия, страны ЮВА активно задействуют элементы «мягкой силы», включая культурную составляющую, для продвижения своих интересов во всех уголках земного шара. К числу новых полюсов мирового развития относится и африканский континент. Уже в силу того, что это регион, население которого превышает 1 млрд человек и который занимает примерно 1/5 часть обитаемой суши, невозможно создать научно достоверную картину полицентричного мира без полноценного учета особенностей и характеристик этого элемента общей глобальной системы. Вместе с тем растущая взаимозависимость элементов глобализированной мир-системы одновременно означает рост обратного влияния на нее острейших социально-политических, экономических, этноконфессиональных и других проблем Африки, имеющих глобальное измерение. Уже сегодня через усилившиеся миграционные потоки африканцы оказывают самое непосредственное влияние на трансформацию западной культуры и формирование новой европейской идентичности.

¹ Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 10 монографий: «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Население Африки в новой глобальной экономике», «Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа» и др. Член редколлегий научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контурь глобальных трансформаций». Член Научного совета при Совете безопасности РФ, Экспертного совета по международным делам Совета Федерации РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», грамотой Президиума РАН.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России». Подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

Африка в настоящее время и в обозримом будущем станет играть особую роль в формирующемся мироустройстве и его глобальных трансформациях. Здесь переплетаются противоречия происходящих процессов. Столкновение старых и новых смыслов выходит за рамки идейно-культурного дискурса и перетекает в сферу материального. Как известно, помимо семантических определений смысла существуют и прагматические, которые оценивают это явление с позиции актора как субъекта деятельности.

Именно поэтому столкновение новых и старых смыслов есть не что иное, как борьба за будущее. Оно обретает форму борьбы новых и старых центров силы за ресурсы и рынки, за сохранение или завоевание в мире экономических, политических и культурных позиций. В этом случае смысл становится ценностью, значимостью или характеристикой полезности объекта экспансии для пользователя.

В условиях разлома мирового экономического, политического и культурного пространства борьба за лидерские позиции между старыми и новыми игроками будет непрерывно нарастать и затронет все без исключения сферы деятельности человека.

Усугубляющийся дефицит ресурсов — одна из истинных глубинных причин уже обострившихся и повсеместно зреющих локальных, региональных и глобальных конфликтов нового тысячелетия. От наличия или отсутствия необходимых природных ресурсов напрямую зависят жизненные стандарты жителей планеты, перспективы социально-экономического развития государств, стабильность мировой экономики и международная безопасность. Как отчетливо продемонстрировали многочисленные события начала нынешнего тысячелетия, в основе реальных действий государств на мировой арене в значительной степени лежит их стремление обеспечить контроль над скудеющими запасами дефицитных естественных ресурсов. При этом корыстные интересы прикрываются самыми высокими целями и идеалами — защитой мира, свободы, демократии, борьбой с распространением оружия массового поражения и изменением климата, охраной окружающей среды и т. п.

Современное состояние общества характеризуется высочайшими темпами потребления природных ресурсов, что, в свою очередь, провоцирует нарушение баланса в воспроизводстве составляющих компонентов биосферы под влиянием всевозрастающей хозяйственной деятельности человека. Неравномерность распределения природных ресурсов на Земле вынуждает государства не только интегрироваться в мировую экономику, но и бороться за сферы влияния на мировом рынке ресурсов. Сфера жизненных интересов высокоразвитых в экономическом отношении стран распространяется как на территории, обладающие ресурсным потенциалом, так и на регионы с высоким качеством окружающей среды, где ее ассимиляционный потенциал оказался менее нарушенным. В первую очередь это относится к африканскому континенту, частично — к Азии и Латинской Америке, а также к некоторым районам России.

Сегодня раздираемое противоречиями мировое сообщество, не раз делившее мир по тому или иному

принципу, вступило в новую эру, когда территориальная экспансия привела к ресурсному разделу. Страны, обладающие природным ресурсным потенциалом, стали объектом экономических и политических интересов развитых в технологическом отношении стран. Последние развивали и продолжают развивать свои технологии ускоренными темпами за счет энергетических и минеральных ресурсов менее развитых стран, обрекая их на политическую, технологическую, а значит, и экономическую зависимость.

Международные отношения в сфере экономики природных ресурсов в XXI веке определяются следующими основными тенденциями:

1. Мировая экономика вступила в эпоху глобализации с интеграцией связей по освоению, разработке, торговле природными ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими, минеральными (рудными и нерудными), продовольственными. Общность экономических интересов разных стран приводит к созданию различных объединений, союзов по производству, переработке, поставке природных ресурсов. Сама природная рента и ее составляющие — ресурсная и ассимиляционная ренты — являются предметом нового перераспределения и присвоения.

2. Главный фактор глобализации в сырьевом секторе экономики — устойчивый характер спроса, производства и потребления природных ресурсов при территориальной неравномерности их размещения и неравнозначном уровне социально-экономического развития стран.

3. Экономика США и стран ЕС на пороге третьего тысячелетия вступила в новую фазу замедления экономического роста, которое проявляется в сокращении темпов прироста общего уровня потребления и производства. Выход из сложившейся ситуации новая администрация США и в меньшей степени государства ЕС могут найти (и уже находят) в активизации военно-промышленного комплекса и развязывании локальных и региональных конфликтов под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Все это ведет к усилению политической напряженности в рамках перераспределения глобальной природной ренты между странами — потребителями и поставщиками природных ресурсов в условиях перехода от моноцентричного к полицентричному миру.

4. С формированием новых центров силы в мировой экономике и политике, в частности Китая, Индии, Бразилии и др., которые также выступают сегодня как крупнейшие потребители и покупатели ресурсов, у стран — обладателей природных богатств возникают новые возможности в борьбе за собственные интересы на мировом рынке¹.

По нашему мнению, особенно важным для понимания ключевых проблем глобального развития XXI века является признание в качестве одной из их первопричин *существующей диспропорции между уровнем социально-экономического развития стран и удельным весом потребляемых ими ресурсов, с одной стороны, и численностью населения этих стран и наличием на их тер-*

¹ Абрамова И. О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М., 2013. С. 116.

ритории запасов дефицитных природных ресурсов — с другой. В самом общем виде эта диспропорция проявляется уже в том, что население развитых стран составляет 16 %, а развивающихся — 52 % общемирового, тогда как потребление минерального сырья находится в прямо противоположном соотношении — 52 и 21 % соответственно¹. За обобщенными среднемировыми данными скрываются еще более вопиющие диссонансы и противоречия. Поэтому вряд ли будет преувеличением утверждать, что одним из главных побудительных мотивов к изменению геополитических реалий было и остается стремление обеспечить контроль над ресурсами — кому-то на глобальном, кому-то на региональном, а кому-то на секторальном или отраслевом уровне. В документах Конгресса США, например, констатируется, что страны Африки южнее Сахары представляют собой богатый людскими и природными ресурсами регион, а континент в целом обладает колоссальным экономическим потенциалом и поэтому имеет долгосрочное политическое значение для США². Экономические и политические интересы на континенте подкрепляются возросшим вниманием американских военных к Африке, выразившемся в создании в рамках высшего военного руководства США командования вооруженных сил по Африке — АФРИКОМ. Одной из главных задач, поставленных перед АФРИКОМ, является продвижение интересов национальной безопасности США в Африке и окружающих морях, включая бесперебойный доступ к природным ресурсам³. Создана постоянная военная инфраструктура США на континенте, основа которой — военная база Лемонье в Джибути. Кроме нее, Вашингтон в соответствии с двусторонними соглашениями развернул на континенте сеть «пунктов сотрудничества в сфере безопасности» (по официальной терминологии Пентагона — Cooperative Security Locations) в Алжире, Ботсване, Габоне, Гане, Замбии, Кении, Мали, Намибии, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Тунисе, Уганде.

В связи с этим исследование ресурсного потенциала африканских государств приобретает большую научную значимость и актуальность с точки зрения понимания причин уже существующих и прогнозирования будущих конфликтов.

В современном мире стратегическое соперничество ведущих мировых экономик за африканские ресурсы постоянно возрастает. Африка богата различными видами природного сырья. Здесь выявлены месторождения почти всех известных видов полезных ископаемых. Среди других регионов мира Африка занимает первое место по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита, второе — по запасам руд меди, асбеста, урана, сурьмы, бериллия, графита, третье — по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также запасы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

¹ Рассчитано нами по: Еремин А. И., Дергачев А. Л. Экономика минерального сырья. М.: КДУ, 2007. С. 4.

² US 110 Congress, Senate Committee on Foreign Relations. The Strategic Competition for the Continent Of Africa. Washington, 2007.

³ <http://www.africom.mil/AfricomFAQs.asp>

На сегодняшний день страны Африки суммарно производят почти 15 % (в пересчете на потребляемую энергию) мирового энергетического сырья, и налицо тенденция к существенному росту этого показателя⁴.

Значимость углеводородных ресурсов африканского континента приобретает для мировой экономики некоторые новые аспекты. Они связаны как минимум с четырьмя особенностями добычи, транспортировки, потребления и реализации на мировых рынках африканских нефти и газа.

Во-первых, Африка — один из немногих регионов мира, где, по оценкам специалистов, еще в целом не пройден так называемый пик добычи нефти⁵. Во-вторых, страны континента более привлекательны для нефтегазовых транснациональных корпораций (ТНК), разрабатывающих углеводородные ресурсы морского шельфа и других экологически уязвимых территорий, вследствие в целом более щадящих экологических норм и требований, выдвигаемых национальными правительствами. Это позволяет ТНК экономить огромные средства. В-третьих, Африка географически оказывается весьма привлекательным источником сырья с точки зрения удобства его транспортировки как в старые центры потребления (Северная Америка, Западная Европа, Япония), так и в новые (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, Бразилия).

Немаловажен и еще один, четвертый, фактор. Запад исходит из того, что военно-политические и геостратегические риски при смещении источников устойчивого снабжения его экономик углеводородами с Ближнего Востока и России в сторону Африки южнее Сахары будут уменьшаться.

Согласно открытым данным, большая часть запасов нефти территориально сконцентрирована в пяти странах — Ливии, Нигерии, Алжире, Анголе и Судане. На них приходится более 90 % доказанных запасов нефти на континенте. Газовые месторождения (91,5 % доказанных запасов) находятся на территории (и в пределах эксклюзивных морских экономических зон) Алжира, Египта, Ливии и Нигерии. Именно эти страны, пожалуй, лишь за исключением Анголы, являются сегодня либо ареной гражданских войн и конфликтов (Ливия, Судан), либо территорией действия разнообразных террористических организаций («Боко харам» в Нигерии, АКИМ и ИГ в Египте, Алжиром и Ливии).

Если говорить о ресурсной составляющей ливийского конфликта, то борьба за нефть (Ливия обладает самыми большими запасами нефти в Африке — порядка 6 млрд тонн) разворачивается как между двумя конкурирующими парламентами и правительствами, базирующимися в Триполи и Тобруке, так и между стоящими за ними внешними силами — Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Турцией, Египтом, Алжиром и западными державами. Одно из наиболее не-

⁴ Oil and Gas in Africa. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 75.

⁵ Правда, для многих североафриканских стран (Ливия, Алжир, Египет) он уже в целом миновал. В то же время для большинства нефтеэкспортеров из числа стран южнее Сахары эти критические значения — дело средне- или долгосрочного будущего. Кроме того, отдельные страны только недавно включились в число глобально значимых нефтеэкспортеров.

гативных последствий ливийского кризиса — уничтожение государственной монополии на продажу нефти. Национальная нефтяная компания (НОС) разделилась на «восточную» и «западную», что открывает широкое поле для функционирования черного рынка. Зарубежные инвесторы и бизнесмены не видят сегодня единого государственного субъекта экономической деятельности в этой принципиально важной отрасли экономики Ливии. «Западная нефтяная компания» установила тесные отношения со швейцарским дилером “Glencore” и отгружает ему большие объемы нефти по сниженным ценам. Еще хуже обстоят дела в восточной части страны, где основной нефтяной терминал Марс-эль-Харига контролируется боевиками Джадрана. Здесь идет прямая контрабанда нефти, которой пользуются французская “Total”, испанская “Repsol”, итальянская “Saras”, китайская “Sinopec”. Некоторые из этих компаний пытаются обеспечить свои интересы в том числе и вооруженным путем. Иорданский король Абдалла в январе 2016 года рассказал о пребывании на территории Ливии английского спецназа SAS. Одновременно в арабской прессе появились сообщения о том, что правительству в Тобруке при штурме Бенгази помогали части французского спецназа. В отсутствие механизмов власти, при непрекращающейся вражде «полевых командиров» и иностранном вмешательстве «национальное единство» Ливии останется лишь на бумаге, а иностранные компании будут продолжать разграбление страны. Об этих «плодах» интервенции Запада в Ливии нужно постоянно напоминать.

В последние 5–6 лет география нефтяных и газовых месторождений на африканском континенте существенно расширилась за счет таких стран Восточной Африки, как Танзания (газ), Уганда (открыто крупное нефтяное месторождение Олбертайн Грабен), Кения (нефть) и Мозамбик, где обнаружены колоссальные запасы газа на шельфе. Предполагается, что по линии Восточно-Африканского разлома в ближайшие годы будут обнаружены новые крупные месторождения нефти и газа¹. Весьма примечательно, что именно в этих странах в последние 1–2 года активизировались террористические организации. Все мы помним зверские атаки террористов в Кении: теракт в торговом центре в Найроби в 2013 году и резню в Гариссе в университетском городке в 2015 году, ответственность за которую взяла на себя группировка «Аш-Шабаб». Причиной резни, по словам террористов, стало то, что «христианское правительство Кении вторглось на территорию нашей страны»². Это произошло в 2011 году, когда «Аш-Шабаб» контролировала столицу Сомали и половину территорий этого распавшегося на части государства. Кения ввела войска в Сомали в рамках миротворческой миссии Африканского союза. При поддержке беспилотников США она оттеснила радикальных исламистов от своей границы и помогла выбить «Аш-Шабаб» из всех крупных городов. При этом, оказав помощь войскам Кении в Сомали, американцы получили преференции в разработке нефтяных место-

рождений этой страны на озере Туркана, несколько потеснив там англичан, открывших это месторождение, и китайцев. В 2017 году уже и на севере Мозамбика появилась террористическая группировка, которая также назвала себя «Аш-Шабаб». При этом весьма примечательно, что в 2015 году международный консорциум во главе с американской корпорацией “ExxonMobil” выиграл право на проведение геолого-разведочных работ на шельфе Мозамбика.

По сути, «Аш-Шабаб» превращается в «Аль-Каиду» на Африканском Роге, растворившуюся среди населения окружающих стран и активно поддерживающую контакты с собратьями по всему земному шару³. Помимо идеологических целей группировка может быть использована в интересах тех или иных международных игроков в борьбе за контроль над топливными и другими ресурсами Восточной и Юго-Восточной Африки.

Богата Африка и другим видом топлива — ураном. На рубеже XX–XXI веков запасы урана в Африке составляли 570 тыс. тонн, или 16 % мировых запасов. ЮАР располагает наиболее крупными месторождениями урановых руд, достоверные запасы которых оцениваются в 337 тыс. тонн, что составляет 60 % общеафриканских запасов. Крупными обладателями месторождений урана в Африке являются Нигер (166 тыс. тонн), Намибия (97 тыс. тонн), Алжир (26 тыс. тонн), ЦАР (16 тыс. тонн) и Габон (15 тыс. тонн)⁴. Повышение спроса на уран на мировом рынке сопровождается обострением конкурентной борьбы за право разведки и разработки урановых месторождений континента между европейскими, канадскими, китайскими и российскими компаниями. Сразу вспоминается конфликт между мусульманами и христианами в ЦАР, который в 2013 году перерос в гражданскую войну. За три года конфликта численность беженцев, покинувших свои дома, составила 20 % населения страны. За этноконфессиональным конфликтом стояли интересы западного капитала, прежде всего французского. Франция — один из мировых лидеров атомной энергетики, и именно 1200 французов в рамках резолюции ООН вошли в страну для поддержания порядка.

Африка остается крупным игроком на мировом алмазном рынке. На долю континента приходится более 82 % мировых запасов этого драгоценного камня. Наиболее крупные месторождения алмазов обнаружены в Гане, Анголе, ДРК, ЮАР, Танзании и Намибии, а также в Бурунди, ЦАР, Кот-д’Ивуар, Мали и Того. В последние годы именно ДРК концентрирует весь комплекс проблем, связанный с происхождением конфликтов в районе Великих Озер. Незаконная эксплуатация природных ресурсов ДРК является источником обогащения как мировых мультинациональных корпораций, так и узкого круга местной политической элиты и военных. Из ДРК продолжается незаконный вывоз алмазов, золота и олова, в первую очередь из провинции Восточная, а также из Южного и Северного Киву. При этом прослеживается связь между доходами, полу-

¹ Fituni L., Abramova I. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. М., 2013. P. 113.

² <http://www.pravmir.ru/den-uzhasa-dzhihadisty-ubili-147-che-lovek-v-universitete-kenii/>

³ <https://ria.ru/analytics/20130924/965475032.html>

⁴ Abramova I., Fituni L. Computing for Africa's Natural Resources // International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 2009. Vol. 55, № 3. P. 47–48.

ченными от реализации контрабандного сырья на мировом рынке, и трафиком нелегального оружия в восточных районах ДРК¹.

Крупный игрок в районе Великих Озер — США. Их военная промышленность и энергетика более чем наполовину зависят от импорта африканского кобальта — металла, используемого при производстве термостойких и особо прочных сплавов, в том числе при производстве лопаток турбин, включая турбины реактивных двигателей. Другая важная сфера применения кобальта — производство магнитосплавов для электронной промышленности. В США имеются собственные месторождения кобальта, но основная их часть уже выработана, а добыча оставшегося слишком дорога и, как следствие, неконкурентоспособна. Поэтому с 1971 года весь потребляемый промышленностью США кобальт также ввозится из-за границы. 52 % мировых запасов приходится на четыре африканские страны — ДРК, Замбию, Марокко и Ботсвану. Из этого количества львиная доля (60 % мировой добычи без учета стран бывшего СССР) приходится на ДРК, которая одна покрывает 65 % потребностей США в этом металле².

Кроме того, следует учитывать, что, в отличие от никеля и хрома, которые до определенной степени могут быть заменены другими материалами-субститутами, кобальт в большом количестве производств незаменим. Таким образом, можно предположить, что ресурсная составляющая конфликта в районе Великих Озер еще долго будет сохранять свое значение.

Бывшие европейские метрополии в условиях мирового дефицита сырья также не могут себе позволить сдать позиции даже стратегическим союзникам или партнерам по интеграционным объединениям, не говоря уже о новоиспеченных конкурентах из Азии или Латинской Америки. Другими словами, конкуренция между странами Запада в Африке объективно существует и имеет тенденцию к обострению.

Американо-европейское соперничество в основном касается традиционной конкуренции между ТНК на африканских рынках, как товарных, так и рынках приложения капитала. Однако нельзя списывать со счетов и политическую компоненту противоборства. В конце XX — начале XXI века последнее приобрело форму наступления США в первую очередь на позиции Франции на Черном континенте. В ряде стран, некогда считавшихся традиционными зонами французского

влияния, — Бурунди (1993–2005), Руанде (1990–1994), Заире/ДРК (1998–2002), Чаде (2006, 2008), Того (2005), Кот-д’Ивуар (1999, 2002) — вспыхивали внутренние беспорядки и вооруженные конфликты разной степени интенсивности. Хотя внешне эти выступления «демократических сил» практически никогда не были антифранцузскими, они, тем не менее, объективно направлялись против профранцузских правительств в этих странах, а на смену им часто приходили проамериканские лидеры. По сути, речь шла о «цветных революциях» по-африкански.

И все же США и бывшие метрополии постепенно теряют свои позиции в качестве главного импортера африканских ресурсов и основного поставщика готовой продукции в африканские страны. У государств африканского континента появилась весьма заманчивая альтернатива в лице Китая, Индии, Бразилии, Турции и других быстро развивающихся экономик. При этом последние исторически не являются антагонистами стран Африки, так как формально все еще занимают общее с ними место в «лодке» развивающихся государств, или стран мировой периферии. Потеря Западом своих позиций на Африканском континенте, начало которой положено в XXI веке, может сопровождаться обострением конкурентной борьбы вплоть до использования экономических и военных рычагов воздействия. Соперничество мировых держав за африканские ресурсы будет в ближайшие годы все сильнее обостряться. Новые мощные и активные игроки на африканском континенте — Китай, Индия, Бразилия, Турция, а в последнее время Иран — не участвуют напрямую в развязывании конфликтов в Африке, делая упор на развитие экономических отношений с африканскими государствами. Однако активизация их деятельности на Черном континенте усиливает конкуренцию в борьбе за ресурсы и косвенно может послужить причиной новых «ресурсных войн», в том числе принимающих формы вооруженных конфликтов.

Позицию РФ по урегулированию конфликтов в Африке озвучил министр иностранных дел С. В. Лавров во время своего последнего турне по африканским странам, которое он совершил 5–9 марта 2018 года. Он отметил, что по всем конфликтным ситуациям, в том числе на африканском континенте, приняты резолюции ООН. Россия выступает за то, чтобы эти решения мирового сообщества строго выполнялись³.

¹ OECD due diligence guidance for responsible supply chains of minerals from conflict affected and high risk areas. P. : OECD Publishing, 2016. P. 24.

² Фитуни Л. Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М., 2012. С. 98.

³ <http://tass.ru/politika/5007116>